

Кондратий Биркин

**Мария Медичи,
королева-правительница.
Детство Людовика...**

*Часть сборника
Временщички и фаворитки*

**Кондратий Биркин
Мария Медичи,
королева-правительница.
Детство Людовика XIII
Серия «Временщики и фаворитки»**

*текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174177
Временщики и фаворитки: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-25843-7*

Аннотация

«Детство и юность Марии Медичи протекли весьма печально и именно при той неблагоприятной обстановке, которая всегда дурно влияет на характер, особенно на характер девушки. Матери своей, Хуаны Австрийской, Мария лишилась, имея от роду пять лет. Отец, Франциск Медичи (см. выше), занятый своей алхимией и Бьянкой Капелло, нисколько не заботился ни о Марии, ни о ее старшей сестре. Принцессы росли на попечении наставниц и гувернанток, выбранных из среды придворных дам, вообще не отличавшихся ни образованием, ни строгостью нравственных правил. Если принцессам не приводилось быть свидетельницами или участницами распутных пиршеств и оргий, то до слуха их доходили рассказы о скандальных приключениях при дворе, об

интригах вельмож, о каверзах ненавистной принцессам их мачехи
Бьянки Капелло...»

Содержание

Кондратий Петрович Биркин Мария Медичи, королева-правительница. Детство Людовика XIII

Кончино Кончини, маршал д'Анкр. – Леонора Галигаси. – Альберт де Люинь (1610–1617)

Детство и юность Марии Медичи протекли весьма печально и именно при той неблагоприятной обстановке, которая всегда дурно влияет на характер, особенно на характер девушки.

Матери своей, Хуаны Австрийской, Мария лишилась, имея от роду пять лет. Отец, Франциск Медичи (см. выше), занятый своей алхимией и Бьянкой Капелло, нимало не заботился ни о Марии, ни о ее старшей сестре. Принцессы росли на попечении наставниц и гувернанток, выбранных из среды придворных дам, вообще не отличавшихся ни образованием, ни строгостью нравственных правил. Если принцессам не приводилось быть свидетельницами или участницами распутных пиршеств и оргий, то до слуха их доходили рассказы о скандальных приключениях при дворе, об интригах вельмож, о каверзах ненавистной принцессам их маче-

хи Бьянки Капелло. Скука и одиночество развили в Марии Медичи склонность к сплетням и нескромное любопытство. С юных лет она полюбила собеседничество болтушек, наушниц, охотниц подсматривать, подслушивать, а потом передавать подсмотренное и подслушанное с прикрасами собственного сочинения. Другом Марии Медичи и бессменной ее собеседницей была ее молочная сестра Леонора Дори Галигаи, девушка годами двумя старше принцессы, некрасивая собою, немножко кривобокая, но умная, бойкая, говорливая, большая искусница гадать на картах и рассказывать разные новости городские и придворные. Неприметно, пользуясь расположением Марии, Леонора прибрала ее к рукам и дошла в обхождении с нею до самой бесцеремонной фамильярности. Собеседничество с принцессою не облагородило Леонору, не отвлекло и не отучило от ее простонародных замашек и недостатков; напротив, Мария Медичи усвоила от Леоноры многие недостатки, и в числе их верование в приметы, в гаданья, предзнаменования и тому подобные суеверные нелепости. Это влияние служанки на госпожу всего легче можно объяснить сравнением Марии Медичи с какой-нибудь провинциальной барышней былых времен, а Леонору – с ее горничною, поверенною всех ее задушевных тайн, помощницею, а весьма частенько – и руководительницею в ее более или менее невинных интрижках. Именно таковы были отношения Леоноры Галигаи к Марии Медичи.

В октябре 1587 года стараниями Фердинанда Медичи

отец Марии, Франциск, и мачеха ее, Бьянка Капелло, переселились в вечность. Как бы желая загладить братоубийство и вознаградить племянницу за потерю отца, великий герцог Фердинанд окружил ее всеми возможными угодьями, оказывал нежнейшую внимательность и уважение. Внешняя обстановка Марии Медичи действительно изменилась к лучшему, но душевный ее быт оставался по-прежнему скучным, однообразным, апатичным. Любя изящные искусства, молодая, прелестная собою принцесса искала развлечения в занятиях живописью, музыкой, принимая участие в придворных домашних спектаклях, но все эти развлечения не разгоняли скуку, ледяными когтями сжимавшую сердце Марии. Сердце это жаждало любви, но рассудок внятно говорил принцессе, что жажде этой суждено навсегда остаться неутоленной. Что могла говорить ей судьба в ближайшем будущем? Замужество... Но с кем, если не с которым-нибудь из европейских государей? Настолько Мария Медичи была знакома с историей, чтобы знать, как тогда устраивались политические брачные союзы. Родители или старшие родственники в этом случае совещались не с невестой, а с министрами, они не брали труда дать ей на пересмотр портреты державных женихов для выбора, а выбирали их сами по географической карте. Обращали ли они внимание на то, что такому-то герцогу шестьдесят лет, что он некрасив собою, если выдача за него дочери представляла в будущем выгодную политическую комбинацию? Разумеется, нет!.. Мария Медичи могла

бы еще утешаться надеждою, что судьба даст ей в мужа человека, одинакового с нею происхождения: принца, герцога, короля – молодого, умного, красивого собою, но подобный подарок судьбы – мечта невероятная.

Исполнилось Марии двадцать лет, но о замужестве еще не было помину; странствующего сказочного принца к тосканскому двору не являлось, и, что всего удивительнее, страстное сердце принцессы поугомонилось, нежные мечты об идеальном красавце рассеялись и уступили свое место мыслям более практическим, основой которым послужило врожденное властолюбие. Сама принцесса по целым часам рассматривала карту Европы и по ней гадала о своем суженом. От Италии, разбитой на части и казавшейся принцессе пестрой мозаикой, глаза Марии переносились на Испанию, Францию, останавливались и на обширной Германской империи, особенно привлекавшей ее внимание. Как бы в ответ на властолюбивые думы своей госпожи Леонора, гадая на картах, постоянно предсказывала ей, что она будет супругою могущественного государя в Европе. Как оно всегда бывает с ворожеями, Леонора, гадая Марии Медичи, не сумела угадать собственной своей судьбы и на первый случай именно замужества.

Искателем руки дочери принцессиною кормилицы в 1593 году явился сын флорентийского нотариуса – молодой, красивый, умный и отлично образованный Кончино Кончини. Самолюбивая Леонора, не подозревая даже, чтобы молодым

человеком могли руководить корыстные расчеты, была твердо убеждена, что Кончини пленился ее достоинствами внутренними и наружными. Со своей стороны она влюбилась в жениха с первых двух-трех встреч и поверенною своих чувств избрала, разумеется, принцессу Марию. Восторженные похвалы, которыми Леонора осыпала Кончини, не могли не подстрекнуть любопытства Марии Медичи, вместе с тем ее любовь к Леоноре и участие, принимаемое в судьбе молочной сестры, побудили ее изъявить желание видеть жениха Леоноры. Кончини был представлен принцессе и – без всякой клеветы на ее память – произвел на Марию глубокое впечатление. Она была слишком горда, чтобы чувства свои к молодому человеку назвать любовью; она была слишком расположена к Леоноре, чтобы быть ей соперницей, но так или иначе, а Кончини понравился Марии Медичи. Снисходя к просьбам Леоноры и в то же время повинувшись своей личной симпатии к Кончини, принцесса выпросила у дяди разрешение включить молодого человека в свой штат в должности камер-юнкера. Леоноре она пожаловала значительную сумму на приданое и кроме того весьма ценные свадебные подарки.

В каких отношениях Мария Медичи была с мужем Леоноры до выхода своего за Генриха IV? Вопрос весьма щекотливый... При тогдашней распущенности нравов легче допустить связь материальную, нежели скромную, платоническую любовь: однако же для первой главным и непреодо-

лимым препятствием была, конечно, не ревность Леоноры, но гордость принцессы, которая едва ли могла решиться пожертвовать собою незначительному дворянину. Мы будем всего ближе к правде, если скажем, что Мария Медичи, любя Кончини, лаская его при случае, держалась в пределах благоразумия, отлагая более интимные отношения до более благоприятного времени, именно – до выхода замуж, и приберегая красавца в качестве запасного фаворита. Нет сомнения, что Леонора догадывалась о чувствах Марии Медичи к своему мужу, но, алчная на подарки и милости, она не только смотрела сквозь пальцы на нежные отношения принцессы и Кончини, но еще, пожалуй, эксплуатировала их в собственную пользу. Леонора, надобно заметить, уступая Марии Медичи и мужу своему в воспитании и образовании, была умнее первой и хитрее второго; Кончини всю свою жизнь был покорнейшим слугою своей дрожайшей половины.

Дружественные и родственные связи великого герцога Фердинанда с французскою королевою Катериной Медичи и приятные его отношения к Генриху, королю наваррскому, сблизили Тоскану с Францией, и это сближение Катерина Медичи давно желала скрепить брачным союзом племянницы своей, Марии, с которым-нибудь из принцев дома Валуа. Волнение Лиги воспрепятствовали Катерине осуществить это желание; так и умерла королева, а Мария все еще оставалась непристроенною, а годы шли, и тосканская принцесса приближалась к тридцатой своей весне... Бесплодно

отцвела первая ее молодость. Генрих IV, при восшествии своем на французский престол, нашел в Фердинанде Медичи доброго союзника и помощника. Так, великий герцог исходатайствовал ему у папы римского прощение за отступничество от католицизма, обещал свое содействие и для расторжения брака короля французского с королевой Марго... Сюлли убедил своего короля и друга породниться с тосканским домом, и в октябре 1600 года начались переговоры между обеими державами о выдаче Марии Медичи за Генриха IV.

Как уладилась эта свадьба и как жили супруги, нам уже известно из биографического очерка Генриха IV. Мария не могла быть равнодушною зрительницею волокитств своего супруга, он не мог изменить своего внутреннего характера; вследствие этого между супругами были ежедневные сцены и ссоры, доходившие подчас даже до драки. Леонора Кончини и муж ее, прибывшие во Францию вместе с Марией Медичи, играли в этих домашних комедиях довольно важные роли. Первая, как истая горничная, наушничала королеве на короля, поддерживала между ними раздоры и этим отстраняла всякую возможность примирения. Генрих IV ее терпеть не мог, но никогда не имел духу приказать своей супруге расстаться с Леонорой. Что же касается до Кончино Кончини (занявшего тогда должность действительного любовника Марии), он пошел в гору, сблизился со знатью французского двора, интриговал, мучил и наживался. В последние годы

жизни Генриха IV он купил поместье д'Анкр и получил звание маркиза этого имени. Обвинение, будто он участвовал в заговоре, разрешившемся убиением Генриха IV, едва ли было основательно.

27 сентября 1601 года королева Мария Медичи изволила разрешиться от бремени сыном, нареченным Людовиком и объявленным дофином французского престола. К этому времени и титулу прибавили прозвище справедливого (*le juste*) не потому, что новорожденный при появлении своем на свет выказал эту добродетель, которой в нем и до гробовой доски не обнаруживалось, а просто потому, что он родился в сентябре, когда солнце находится в знаке весов – символа правосудия. Злые языки говорили, будто новорожденный чертами лица и смуглотою кожи напоминает маркиза д'Анкра. Остряк Бассомпьер отпустил при этом непереводаемый каламбур:

*L'enfant est noir parce qu'il est d'Ancre.*¹

Историческая загадка о законности происхождения Людовика XIII осталась донныне неразрешенною; впрочем, обидные толки о новорожденном едва ли были основательны. Принц Кон-де, впоследствии намеревавшийся отдалить сына Марии Медичи и Генриха IV от престола, называл его незаконным единственно в том смысле, что Генрих IV женился на Марии до расторжения своего брака с королевой

¹ «Ребенок черен потому, что он от Анкра». Апгре по-французски – якорь, а епгре – чернила. На созвучии этих двух слов основан каламбур Бассомпьера.

Марго; о том же, что Людовик XIII сын маршала д'Анкара, принц никогда не упоминал ни слова.

Наружностью ни в мать, ни в отца, дофин с первых лет детства обнаружил дурные наклонности, ни отцу, ни матери не свойственные. Первым его недостатком было жестокосердие: имея не более четырех лет от роду, Людовик находил особенное наслаждение мучить насекомых, птиц и мелких животных. Играя в дворцовом саду «в охоту», дофин ловил бабочек, чтобы терзать их в куски, пойманных птичек ощипывал своеручно или выламывал им крылья и ножки. Однажды Генрих IV застал милого сынка за подобной забавой: Людовик, положив живого воробушка на камень, другим камнем плющил ему головку. Жалостливый король не пощадил дофина: высек его собственноручно, и эта мера на время приглушила в ребенке его кровожадные наклонности... Но – «гони природу в дверь, она влетит в окно» – исправить Людовика и из злого сделать добрым было невозможно. Что бы ни говорили современные педагоги о могуществе воспитания, но оно никогда не в силах изменять врожденного характера человека. Говорят: «душа новорожденного – чистая книга, на страницах которой пиши что хочешь; это воск, из которого можно вылепить что угодно!» Неправда и неправда. Человек рождается добрым или злым точно так же, как рождается умным и талантливым или глупым и бездарным. Никакой садовод в мире не вырастил яблок на березе, так точно к злему сердцу никакое воспитание не привьет

добрых и честных чувств; оно научит человека только быть скрытнее и лукавее. Людовик XIII родился злым, черствым эгоистом и таковым оставался неизменно всю свою жизнь.

«Ребенок черен потому, что он от Анкра». Апо^а по-французски— якорь, а епге — чернила. На созвучии этих двух слов основан каламбур Бассомпьера.

Роковая катастрофа 14 мая 1610 года застала его восьмилетним ребенком, т. е. в том возрасте, в котором в человеке уже начинают говорить рассудок и сердце. Чем же тот и другой заявили себя в дофине? Мать свою он не любил, отца (судя по равнодушию, с которым принял весть о страшной его смерти) тоже; маршала д'Анкра и жену его ненавидел. Единственным существом, к которому Людовик питал чувство, похожее на любовь, был некто Альберт де Люинь, незначительный дворянин лет тридцати, приставленный к дофину в качестве дядьки благодаря протекции Леоноры Галигаи, перед которой Альберт в числе великого множества знатнейших придворных добровольно лакействовал. Дофину Людовику он особенно умел угождать своими глубокими познаниями в дрессировке собак и выучке соколов и кречетов для охоты. Мальчик до того привык к Альберту, что не мог обойтись без него ни минуты. Королева-родительница тоже весьма благоволила этому дядьке за его умение забавлять державного питомца. Насколько де Люинь был с ним почтителен, настолько маршал д'Анкр и жена его обходились с дофином во все время его несовершеннолетия с оскорбитель-

ным неуважением. Маршал подшучивал над ним, дразнил его или, играя с дофином, без церемонии тормошил его, называя простонародными итальянскими ласкательными именами. Леонора весьма часто покрикивала на маленького короля, как на простого мальчишку. Раз, играя в комнате, в которой сидела супруга маршала, Людовик сильно шумел и стучал передвигаемыми им стульями.

– Тише, – крикнула Леонора, – или ступайте играть в другую комнату... У меня без вашего стуку мигрень!

Обиженный мальчик (ему было тогда уже десять лет) побледнел и затрясся от злости.

– Если я вам мешаю, – сказал он, – то можете вы уйти в другую комнату, даже и вовсе из дворца... Париж велик.

Леонора пожаловалась королеве-родительнице, и Мария Медичи порядком пожурила сына за его непочтительность к ее другу. Перед маршалом Людовик не смел разинуть рта, так как просто-напросто боялся итальянца. Единственным поверенным маленького короля был все тот же Альберт де Люинь, пожалованный королевою в звание сокольничего или оберегермейстера (*grand fauconnier*). Он утешал Людовика надеждою отомстить итальянским пройдохам за все обиды при достижении королем совершеннолетия. В этой мысли Людовик действительно находил отраду и тем нетерпеливее ждал окончания срока регентства.

Впрочем, не забегая вперед в нашем рассказе, возвратимся к первому дню провозглашения Марии Медичи прави-

тельницею королевства.

14 мая 1610 года весть об убийстве короля Генриха IV на улице Ферронери, разнесясь по городу, достигла дворца до прибытия туда кареты с трупом государя. Медленно приближалась она к новому Лувру, сопровождаемая герцогами: Рокелор, Мон-базон и д'Эпернон. Толпа рыдающих слуг встретила их на большом подъезде и, вынув из кареты тело убитого, снесла его в караульную залу нижнего этажа. Сюда прибежала королева, в слезах и с беспорядком в costume, соответствующим печальным обстоятельствам.

– Убит, умер? – повторяла она, рыдая и ломая руки. – Бедная я!

– Государыня, – возразил ей герцог д'Эпернон, – короли не умирают во Франции: у вас есть сын, а по воле почившего короля вы должны быть правительницею королевства!

Что Мария Медичи должна быть правительницею, это знали и придворные, и она сама, и весь город, но последнему предстоящее регентство было не по сердцу. Маркиз д'Анкр, Леонора и банкир Цзаметти с несколькими итальянцами, ненавистными двору и народу, выдвигаясь теперь на первый план, отстраняли от правительства именитых французских вельмож, имевших на государственные должности несравненно более прав, нежели итальянские искатели приключений. В городе обнаружались признаки беспорядков: толпы горожан бродили по улицам, скучивались на площадях; в иных местах появились и вооруженные; в некоторых

кварталах были протянуты цепи, замкнувшие улицы. Отстранить близкое вооруженное столкновение партий следовало решительными энергичными мерами, и они немедленно были приняты. Королевская гвардия и швейцарцы заняли луврскую дворцовую набережную; артиллерия расположилась у мостов, командуя обоими берегами Сены. Герцог д'Эпернон, вооруженный с головы до ног, сопровождаемый маршалом Бассомпьером, Витри, герцогом д'Эльбеф и герцогом Гизом, отправился в градскую ратушу, где объявил собравшимся членам о кончине Генриха IV и о восшествии на престол сына его Людовика XIII под попечительством своей родительницы королевы Марии Медичи.

Эта быстрота распоряжений делала невозможною всякую попытку к восстанию со стороны народа, но защитникам правительницы предстояло еще склонить на ее сторону дворянство, и в числе прочих славного Сюлли, на руках которого были арсенал и Бастилия, две могущественнейшие опоры власти королевской. Друг кальвинистов, любимый и уважаемый принцами крови, Сюлли мог навести пушки Бастилии на Лувр, что, конечно, сделал бы всякий другой на его месте...

Но эта страшная мысль не могла прийти в голову честного друга порядка и закона, и он, сдав правительнице ключи от арсенала и от Бастилии, признал ее во всех правах, ей законом предоставленных. Примеру Сюлли последовали ратуша и народ... Оставался парламент, президентом которого был

суровый дю Гарлэ. Голоса членов разделились: одни предлагали созвание государственных чинов для выбора правителей и организации регентства; другие, признавая королеву правительницею, требовали учреждения совещательного совета из принцев крови и пэров королевства. Оба эти мнения противоречили видам герцога д'Эпернона, отстаивавшего единовластие, и здесь он выпутался из затруднения благодаря поддержке военной силы. Окружив парламент войсками, герцог, вооруженный, вошел в залу собрания. Президент предложил ему сесть на его обычное место, но герцог, уклоняясь от предложения, громогласно сказал:

– Парламенту следует решить великий государственный вопрос сию же минуту. Если он не признает королеву правительницею, мне придется обнажить шпагу. Благо отечества требует ответа безотлагательного... Такова воля короля, и долг наш, повинуюсь ей, принудить к повиновению непокорных!

Выйдя из парламента, герцог принял начальство над собранными войсками. Этот образ действий лучше всяких переговоров решил дело в пользу Марии Медичи: парламент единогласно признал ее правительницею, а малолетнего дофина Людовика – королем Франции и Наварры. Сравнивая это государственное дело с фактом частным, мы, конечно, увидим в герцоге д'Эперноне того же рыцаря промышленности, который, приставив нож к горлу богача, вымогает у него добровольную отдачу денег, даже всего состояния, но в том-

то и дело, что всякое преступление на свете с переменною размеров переменяет имя и называется тогда не преступлением, но подвигом. Возьмем ужаснейшее из преступлений – убийство. Разбойник, желая ограбить человека, убивает его, – это убийца и грабитель, достойный казни или другого законного наказания. Какой-нибудь владетель Нукагивы, желая отнять у владетеля Мадагаскара его владения, идет на него войной, истребляет десятки тысяч людей и именуется героем и завоевателем... Такой оборот дела называется геройским подвигом, за который завоевателя венчают лаврами и сам он возносит благодарения Всевышнему. Как же при виде подобных безобразий не прийти к убеждению, что злодейства и преступления в глазах людей тем извинительнее, чем они колоссальнее!

На другой день, 15 мая 1610 года, девятилетний² Людовик XIII, в королевской мантии и короне, вместе с Марией Медичи, одетой в глубокий траур, прибыл в парламент, куда съехались знатнейшее духовенство, первые чины двора, принцы крови и маршалы. Заседание открылось речью королевы, прерываемой рыданиями.

– Богу угодно было, – говорила она, – путем плачевного

² Из множества биографий, нами перечитанных, едва ли в двух или трех мы нашли одинаковые числа рождения Людовика XIII. Он родился 27 сентября 1601 года и при восшествии на престол ему был девятый год. Срок регентства по настоящему оканчивался 27 сентября 1614 года, а между тем Мария Медичи оставалась правительницею до 1617 г. Капфиг (*Les veines de la main droite: Marie de Medicie*), спутывая числа, говорит, что в 1610 году Людовику было шесть лет.

события призвать к себе доброго нашего короля, моего властелина. Привожу к вам короля, сына моего, и прошу вас иметь о нем те попечения, которые возлагают на вас уважение к памяти короля усопшего, к себе самим и к отечеству. Я желаю, чтобы в государственных делах он следовал вашим добрым внушениям и советам; прошу вас не оставлять его ни теми, ни другими, по доброй совести и ко благу общему.³

По окончании этой речи маленький король, встав с места, твердо и без запинки проговорил следующий заученный на память монолог:

– Господа, так как Бог призвал к себе покойного короля, моего властелина и отца, я, по советам и внушениям королевы, моей родительницы, явился сюда, чтобы объявить всем вам, что в управлении делами государственными я желаю следовать добрым вашим советам, в уповании, что Бог по благости своей позволит мне последовать примерам и наставлениям покойного моего родителя.

Президент дю Гарлэ отвечал приличной речью, и заседание окончилось с подобающей торжественностью. Указом парламента регентство самодержавное и безотчетное было установлено в особе королевы Марии Медичи впредь до совершеннолетия его величества короля, по государственным законам Франции наступающего с тринадцатилетнего возраста.

³ Переведено из слова в слово с подлинной речи, занесенной в протоколы парламента 15 мая 1610 года.

В первый же год своего регентства Мария Медичи выказала в распоряжениях своих благородную умеренность и терпимость в отношении к кальвинистам. Она сблизилась с герцогом Сюлли и, представляя ему сына, сказала последнему:

– Сын мой, любите господина Сюлли. Он был лучшим и вернейшим слугою вашего отца, и для вас я прошу его быть тем же!

В этот же день она подтвердила во всех его статьях Нантский эдикт, предоставлявший протестантам полную свободу вероисповедания и гражданские права. Эта уступка делала невозможною всякую попытку к религиозным смутам, водворяя между католиками и гугенотами доброе согласие, хотя и наружно. Уступкою дворянству со стороны правительницы было учреждение правительственного совета, составленного по указаниям государственного секретаря Вилльруа. Членами его были представители партий, на которые распадался тогда французский двор. Принц Конде и граф де Суассон – кальвинисты; герцоги Гиз и Майенн – католики; коннетабль Монморанси и герцог Невер – представители партии умеренных; таков был состав государственного совета явного; тайными же советниками правительницы (не по титулам, а на деле) были герцоги д'Эпернон, Невер, Вилльруа, отец Коттон, духовник Генриха IV, и маркиз д'Анкр с супругою.

В делах внешней политики Мария выказывала особенное расположение к мадридскому кабинету. Подобные отноше-

ния, диаметрально противоположные идеям Генриха IV, не только отстраняли всякое вооруженное столкновение между Францией и Испанией, но возбудили в короле Филиппе III желание вступить с французским королевским домом в родственный союз. Согласно этому желанию поступал испанский посол, герцог Фериа. Он уведомил кастильский государственный совет⁴ о тайном договоре, который ему удалось заключить с правительницею. В силу такового обе державы обоюдно обязывались «в случае опасности, угрожающей которой-нибудь из них, доставить союзнице вспоможение из шести тысяч пехоты и тысячи двухсот человек кавалерии». Родственный союз с Испанией Мария Медичи желала заключить бракосочетанием короля с инфантою Анною, а сестры его Изабеллы – с инфантом и наследником престола доном Филиппом. Эта мысль, впрочем, принадлежала покойному королю Генриху IV. Владетель королевства, отделявшего Испанию от Франции, он и в отдаленном будущем надеялся слить обе державы воедино, сперва под венцом брачным, а потом и королевским. К сожалению, вместе с осуществлением своих замыслов на Испанию королеве пришлось сделать уступку королю испанскому, опасную для ее власти: в угоду Филиппу III и по настояниям чрезвычайного испанского посла дона Иниго де Карденьяс Мария Медичи стала отдалять от административной сферы гугенотов и протестантов.

⁴ Испанский государственный совет состоял тогда из герцогов Инфантадо и Альбукерка, кардинала Толедо, герцога Лерма и маркиза Велада.

Дружбою с испанским двором правительница приобретала врагов внутренних, пробуждая умолкнувшую религиозную распрю. Первым явился Сюлли. Продав все свои должности, он удалился в свой фамильный замок де Рони, откуда надеялся руководить партией гугенотов, готовившейся при первом удобном случае снова начать междоусобную войну. Вся кальвинистская Франция была разделена на пятнадцать областей. По Нантскому эдикту кальвинистам было предоставлено право в случае надобности отстаивать свои привилегии силою оружия. Сведав о созвании депутатов в Арнэ-ле-Дюк, Мария Медичи в грамоте от 16 февраля 1611 года уверила их в своем неизменном благоволении и выразила надежду, что цель собрания несомненно благо отечества и польза короля.

В Арнэ-ле-Дюк съехались в числе семидесяти человек все коноводы кальвинистской партии: ла Тремуйльль, Буйон, Роган, Субиз, ла Форс, Шатийон и Дюплесси-Марнэ, прозванный папою гугенотов. Опасаясь бури, правительница писала к Сюлли, смиренно прося употребить все его влияние на кальвинистов к возможному дружелюбному соглашению; но тут и могучий Сюлли оказался бессильным. Вопросы, поднятые на сомюрском съезде кальвинистов, касались ни более ни менее, как перемены регентства, расширения прав кальвинистов в ущерб католикам, даже отмены в кальвинистских городах католических религиозных процессий. Дюплесси-Марнэ напечатал и издал жестокий памфлет под

заглавием «Таинства кривды» (Mysteres d'iniquite), в котором уподоблял папство зверю апокалипсическому. Избегая всяких крутых мер, чтобы пуще не раздражать недовольных, правительница послала во все области нарочных комиссаров для удовлетворения жалоб кальвинистов. Она разрешила им не принимать участия в католических празднествах; дозволила иметь особые кладбища, школы, целые академии; увеличила содержание пасторам на 135000 ливров, обещала на казенный счет укрепить стены и цитадели кальвинистических городов, снабдив их артиллерийскими орудиями... Далее этого уступки правительства, кажется, не могли простираться: оно само давало на себя оружие своим врагам! Но, снисходя таким образом к кальвинистам, Мария Медичи вместе с тем надеялась, что и они удовольствуются, не будут более волновать Францию своими демонстрациями и наконец угомонятся. В то же время коварная итальянка усерднее прежнего поддерживала тайные сношения с Испанией. Верному своему приспешнику маркизу д'Анкру она пожаловала жезл маршала и сделала его губернатором Нормандии. «Этот человек, – говорит Вольтер, – был во главе правительства той страны, которой не знал законов, а в маршала попал, не обнажив шпаги». Самую жестокою ошибкою Марии Медичи было ее неумение найти себе поддержку во французах; трудно править государством с опорой на иноземцев. Как ни сохранялись в тайне сношения правительницы с Испанией, о них узнали умиротворенные Мариєю каль-

винисты. Не оставаясь перед нею в долгу, они заключили союз с Голландскими соединенными штатами. По примеру последних кальвинисты намеревались образовать во Франции свою республику, избрав в ее штатгальтеры принца Конде. Для ускорения союза своего с Испанией правительница отправилась в Мадрид в качестве чрезвычайного посла герцога Майенна, а Филипп II со своей стороны в Париж – герцога Пастренью. Брачный договор короля Людовика XIII с инфантою доною Анною и принцессы Изабеллы с инфантом доном Филиппом был подписан 29 августа 1612 года. Празднование обеих помолвок в Париже и в Мадриде сопровождалось народными торжествами, каруселями, иллюминациями, фейерверками. Упрочение союза с Испанией дало возможность Марии Медичи на время отложить дела внешней и внутренней политики, чтобы заняться украшением столицы новыми зданиями и водворением в ней чистоты и порядка. Кварталы, прилегающие к Бастилии от арсенала до острова Св. Людовика, правительница застроила палацками в чистом тосканском стиле; проложила набережные по обрывистым берегам Сены; приступила к построению нового дворца на месте древних теремов Юлиана-отступника. Приучая своих подданных к изяществу, правительница, соединяя приятное с полезным, сделала важные преобразования в одежде и вооружении войск, заменив тяжелые доспехи пехоты и кавалерии сукном, бархатом и кожаными нагрудниками. Эти преобразования внешние имели огромное влия-

ние на внутреннюю организацию войск пеших и конных, а с нею вместе и на систему ведения войны как оборонительной, так и наступательной; фехтовальное искусство, артиллерийское дело, тактика и стратегия с этого времени быстрыми шагами двинулись к совершенству. Артистка в душе, Мария Медичи, страстно любившая все изящные художества, щедро награждала живописцев, скульпторов, музыкантов и артистов сценических; изгоняя с театральных подмостков грубые фарсы и арлекинады, она заботилась о замене их пьесами исторического содержания, как особенно влияющих на народные нравы. . . Не знаем, кому из двух дружба делает более чести, но не можем не упомянуть, что Мария Медичи была дружна с знаменитым Питером Паулем Рубенсом, которому Бог привел отплатить державной покровительнице приютом и куском хлеба во время ее вторичного изгнания из Франции милым ее сынком Людовиком XIII.

Несчастный союз с Испанией, вооруживший против правительницы подданных ее кальвинистов, навлек на нее новую бурю со стороны принцев крови и знатнейших вельмож католической партии. Буря эта началась мелким дождем памфлетов и пасквилей, направленных на маршала д'Анкара и его супругу. Одно из злейших произведений этой подпольной литературы под заглавием «Щупальщик» (le Tasteur) оканчивалось прямой угрозой: «Кончини, берегись! Не попади на Монфокон в бессменные часовые. . .» Надобно заметить, что на городской живодерне Монфокона находились

виселицы, воздвигнутые для казни государственных преступников еще королем Людовиком XI.

Заключенным врагом королевы явился принц Конде, постоянно осуждавший ее правительство и явно грозивший ей низвержением не только ее самой, но и Людовика XIII. С помощью Голландии, Женевы и германских мелкопоместных владетелей Конде намеревался объявить брак Марии Медичи с покойным Генрихом IV недействительным, а сына ее незаконным. Для пущей свободы действия принц со своими сообщниками удалился от двора вследствие ссоры с королевою-правительницею. Незадолго перед тем он вызвал на поединок принца де Марсийя-ка; узнав об этом, Мария Медичи запретила последнему драться с принцем Конде, и за это его слуги избили Марсийяка. Правительница поручила парламенту исследовать это дело, и принц Конде был призван в суд.

– Не могу поверить, – сказала ему королева, – чтобы вы могли дать вашим людям такое позорное поручение.

– Сударыня, – заносчиво отвечал Конде, – при покойном вашем супруге с принцами обходились почтительнее.

– Правда ваша, кузен, но при нем и принцы крови не делали того, что ныне делают.

– Я поступил с виноватым, как он того заслуживает. Его побили при короле.

– Подтверждая это, вы только доказываете свое бесстыдство.

– Как, сударыня? Вы называете принца крови бесстыдником!..

И Конде, выйдя из зала, в тот же день уехал из Парижа; за ним последовали Лонгвилль, Вандом, Латур д'Оверн, Буйон и многие другие, объявив, что они намерены с оружием в руках отстаивать общественное благо. Скрепя сердце правительница вступила с крамольниками в переговоры при содействии президента Жаннена, де Ту и кардинала Дюперрона. По договору, заключенному с недовольными в Сен-Менегу, правительница обязывалась «на 15 число августа 1614 года созвать государственную думу (генеральные штаты); отдать кальвинистам несколько укрепленных городов, а замок Амбуаз принцу Конде; именем короля не только объявить принцам полное прощение, но и уплатить им 450000 ливров в вознаграждение за понесенные ими убытки при приготовлениях к восстанию...». Унизительнее этого договора едва ли что можно было придумать для правительницы, но она его подписала. Это постыдное малодушие навлекло на Марию Медичи живейшее негодование со стороны короля испанского. Посланник от его имени выразил ей сомнение насчет хранения союза между обеими державами. К пущему затруднению бедной правительницы государственный совет решил по случаю недоразумений о наследстве герцогства Мантуанского отправить в Италию наблюдательный корпус под начальством герцога Ледигьера, отчаянного гугенота, а другой корпус во Фландрию, под начальством принца Кон-

де. Ввиду этих обстоятельств, враждебных ее планам, Мария Медичи совершенно потеряла голову. На расспросы дона Иниго де Карденьяс она отвечала: «Не говорите мне, пожалуйста, об этих делах!» – а государственный секретарь Вилльруа присоединил при этом: «Крайне сожалею, но, кажется, самому небу не угодно, чтобы состоялся сродственный союз между обеими державами».

Словом сказать, монархическая власть во Франции готовилась уступить свое место олигархии и именно в это время оканчивался срок регентства и наступало для Людовика XIII желанное совершеннолетие. Как же готовился король к восприятию самодержавия? Сказать по правде – почти никак. Несмотря на свои тринадцать лет, он оставался довольно ограниченным мальчиком, хотя нравом сделался как-то злее прежнего. Беседы его с Альбертом де Люином касались исключительно до предметов охоты с ружьем и соколиной. . . Иногда обер-егермейстер наводил речь на супругов д'Анкр, и тогда король зеленея дрожал от злости и пускался в обещания им лютейших наказаний, если только Бог приведет Людовику дожить до счастливого дня, когда он будет избавлен от материнской опеки. К прежним талантам короля прибавилось, впрочем, два новых: он начал выказывать склонность к музыке и удивлял де Люиня искусством своим готовить бураки, шутихи и прочие пиротехнические игрушки.

На 28 сентября 1614 года возведено было чрезвычайное собрание парламента по случаю вступления короля в совер-

шеннолетие. Первым указом, подписанным им в этот великолепный день, он подтвердил Нантский эдикт; воспретил под опасением строжайшего взыскания всякие сборища и сходки. За поединок, богохульство и оскорбление величества высочайше повелено было подвергать виновных смертной казни. На этом заседании присутствовал цвет французской аристократии, и дебют короля-мальчика в роли совершеннолетнего мог назваться вполне удачным. Королева-родительница объявила, что сдает все дела, возлагая надежду на верность присяги членов парламента и на великие дарования своего державного сына. Людовик XIII, встав со своего места, просил свою родительницу также не оставлять его добрыми советами. Генеральный адвокат дю Гарлэ в льстивой благодарственной речи, обращенной к Марии Медичи, уподоблял ее королеве Бланке, родительнице Людовика Святого.

Вскоре во исполнение договора в Сен-Менегу назначено было собрание государственной думы. Еще с июня месяца из всех провинций Франции начали съезжаться в Париж депутаты и выборные. По старинному обычаю представители народа были разделены на кастовые группы: дворянства, духовенства и среднего сословия. Представитель духовенства архиепископ Лондонский благодарил короля за благоразумие, выказанное им в первые годы его царствования. Почтенный прилат не позабыл при этом и польстить королеве-родительнице. Дворянство сравнивало ее с царицею Амаласонтою;

среднее сословие – с королевой Бланкою. Затем приступили к заявлениям претензий, и оказалось, что все три сословия требовали обнародования во Франции постановления Тридентского собора, столь ненавистных кальвинистам, которые именно ожидали от государственной думы разрешения всех административных недоразумений в свою пользу! Длинные речи депутатов всех сословий можно было резюмировать в следующих немногих словах: королева-правительница – сама мудрость в образе женщины, юный король Людовик XIII – Соломон, Август, Тит, Карл Великий; народ блаженствовал под их мудрым правлением, иного не желает, и если они ко всем своим подвигам присоединят еще один – будут твердо и мужественно отстаивать интересы папской власти, т. е. католицизма, тогда вся Франция будет могущественнейшим государством в мире!

В числе многих сотен, присутствовавших на заседании государственной думы, на скамье, предназначенной для депутатов от духовенства, сидел среднего роста мужчина лет тридцати, худощавый, с орлиным носом и таковым же взглядом, тонко закрученными усами и небольшой остроконечной бородкой. После долгих утомительно скучных речей депутатов, речей, вздутых риторикой и начиненных грубой лестью, этот депутат попросил слова и мягким, вкрадчивым голосом заявил, во-первых, свое удивление на малочисленность депутатов от духовенства. «Не могу допустить, – прибавил он, – чтобы правительство чуждалось соучастия наше-

го в государственных делах, так как совет лица духовного весьма часто может быть не менее полезен, как и воина или правоведа. Предки наши, галлы, не только чуждались своих друидов, но не предпринимали ничего важного без совещания с ними. Принося дань удивления и благодарности мудрой королеве-правительнице, – заключил оратор, преклоняясь перед Марией Медичи, – я скажу, что она столько же мать короля, сколько мать всего королевства, и вполне достойна этого имени!»

Речь молодого прелата произвела весьма приятное впечатление на всех присутствовавших. По всему собранию из уст в уста разнеслось его имя... Оратора звали Арман Жан дю Плесси Ришелье, и тогда, на тридцатом году от рождения, он уже был епископом Люсонским. Королева и ее министр маршал д'Анкр инстинктивно ожидали в этом человеке силу, ту могучую силу, которая в состоянии поддержать не только регентство, но и самый трон, если в том будет надобность...

И Ришелье был включен в число членов государственно-го совета. Положение Марии Медичи и короля в это самое время было отчаянное; обе партии, кальвинистов и принцев крови, окружили теперь престол, будто огненным кольцом, совершенно изолируя его от сближения с испанским королевским домом. Маршал д'Анкр предложил королеве-правительнице употребить военную силу и, взяв с собою сына и дочь, ехал на границу Испании в Бидассоа сквозь полчища

гугенотов и мятежников. Испанский посланник взятками и угодливостью Леоноре Галигаи упросил последнюю употребить все зависящие от нее средства, чтобы уговорить Марию Медичи безотлагательно ехать в Бидассоа.

«На днях (писал посланник своему государю) флорентинка, жеманясь и ребячась, выпросила у меня несколько драгоценных камней для убора. Я не только не отказал ей, но к камням присоединил еще золотой ларчик в 500 экю. Эта внимательность ее глубоко тронула, и с той поры меня и моего секретаря она принимает как нельзя дружелюбнее!»

Решаясь на поездку в Испанию, Мария Медичи в последний раз отважилась на попытку примирения с беспокойным и вздорным Конде... Напрасно! Принц, которому роль главы партии недовольных пришлась особенно по вкусу, продолжал дуться на королеву и осыпать памфлетами ее, короля и маршала. Ему во что бы то ни стало хотелось расстроить предположенную свадьбу короля с испанской инфантой. Не знаю, чему из двух более удивляться: злобе принца Конде или его глупости, так как для унижения королевы и вооружения против нее народа он распускал слух, будто Генрих IV был убит Равальяком по наущению Марии Медичи, герцога д'Эпернона и маршала д'Анкра. Невзирая на все происки интригана, двор выехал из Парижа 15 августа 1615 года с огромной свитой телохранителей и конных. Мария Медичи и Людовик XIII водою по реке Дордони благополучно добрались до Бордо. Охранение Парижа было доверено маршалу

Буадофен; сам маршал д'Анкр занимал Нормандию, не допуская проникнуть в нее герцогу Лонгвиллю. Эта энергичная защита монархической власти против покушения олигархов навлекла с их стороны крайнее бешенство на маршала, и гибель последнего была неизбежна.

Ришелье, приближенный к королеве-правительнице, окинув своим пронизательным взором лагерь враждебной партии и приняв в соображение ход явных и тайных интриг, указал Марии Медичи и маршалу на трех врагов, едва ли не опаснейших, нежели весь табун клеветников и памфлетистов, предводимый принцем Конде. Врагами этими, по мнению Ришелье, были братья де Люинь: Альберт, Брант и Кадене.

– Эти ничтожные людишки? – смеялась королева.

– Де Люинь, который обязан мне всем? – возражал маршал.

Последний, щадя гадину, которая вскоре смертельно уязвила его, точно повиновался какому-то таинственному предопределению. Де Люинь, тайное оружие мятежников, успешно интриговал при короле в их пользу. Королева, маршал и Ришелье довели до сведения Людовика XIII о намерении принца Конде объявить его незаконным; они подтверждали свой донос несомненными доказательствами... Король готовился сделать распоряжение об аресте клеветника-принца, но в тот же вечер де Люинь убедил его, что на Конде возводят небылицы единственно с тем, чтобы долее и долее про-

тягивать время регентства.

– Родительница ваша руководит вами, – сказал при этом негодяй, – а ею руководят итальянцы; все же они думают только о личных своих выгодах. Государь, пришло время быть самодержавным! Долго ли еще вы будете терпеть близ себя флорентинку Галигаи, околдовавшую вашу родительницу!

Мария Медичи по мере озлобления принцев делалась уступчивее и снисходительнее. Она поручила Ришелье вести с ними переговоры в Лудене, но требования Конде были до того дерзкими и нелепыми, что уступить им не было никакой возможности. Пришлось решиться на то, что следовало сделать, по крайней мере, пять лет тому назад, – арестовать Конде. Это щекотливое поручение было возложено на де Темина, капитана мушкатеров, выполнившего его как нельзя лучше. Конде был посажен в Вен-сенский замок. Мария Медичи могла бы предать его суду, как завязтого мятежника, но, не желая карать за минувшее, она ограничилась лишением принца возможности вредить правительству в будущем. Затронув вепря, раздражили все стадо. Челядь Конде разграбила дом маршала; достойная матушка принца Конде имела намерение силою принудить королеву освободить милого сыночка...

Преобразование государственного совета, составленного из людей даровитых и единомыслящих, спасло власть королевскую. Председателем был маршал д'Анкр, министром

иностранных дел – Ришелье: министром финансов – флорентинец Бар-берини; хранитель государственной печати – Манжо. Все эти люди были одушевлены мыслью – задушить гидру олигархии, пришибленную Людовиком XI, но очнувшись со времен царствования Карла IX. Ришелье, дальновиднейший и умнейший из всех членов государственного совета, лучше их всех понимал, что подобное великое предприятие под силу только ему одному, но что для выполнения его еще не пришло время. Мария Медичи, отважная на словах, была робка на деле; тратила время на переговоры и соглашения там, где надобно было действовать силою. Увидя, что Ришелье был прав, предостерегая ее от Альберта де Люиня, королева-правительница вместо удаления его от Людовика XIII сама сблизилась с ним, обещая щедроты и милости, т. е. обещая то, что он сам готовился взять в ближайшем будущем. Маршал д'Анкр, желая снискать расположение короля, отправился в Нормандию для набора отрядов телохранителей, из которых в стенах Лувра намеревался образовать особый гарнизон. Вот подлинное письмо маршала, по которому можно судить о характере этого несчастного счастливица:

«Государь, я сдержал свое слово. Я могу служить интересам вашего величества, выставив шесть тысяч пешего и восемь сот конного войска. Я поведу их, куда будет угодно приказать вашему величеству. Ожидаю, чтобы вы указали мне место, где мне находиться и служить вам. Заранее соглаша-

уюсь на все условия, лишь бы Франция признала меня верным слугою вашего величества».

Эта поездка ради пользы всего дела только пуще его усложнила, чтобы не сказать, испортила. Мария Медичи, Ришелье и даже Леонора Галигаи ухаживали за Альбертом де Люином, привлекая его на их сторону. Альберт ненавидел маршала, и в угоду ему недавние его единомышленники (даже жена!) оказывали ему обидное пренебрежение. Обе стороны хлопотали об утверждении королевской власти в руках короля Людовика XIII.

– Души и не щади олигархов, – говорила ему Мария Медичи, – они главная помеха самодержавию!

– Избавьтесь от опеки вашей матери, – говорил де Люинь, – изгоните итальянцев, и только тогда вы будете самодержавным королем!

Людовик XIII, видимо, склонился на последнее. На тайных своих совещаниях с де Люином он только затруднялся в выборе средств к избавлению себя от маршала д'Анкра: арест, отдача под суд и казнь или тайное убийство? Де Люинь советовал последнее, да и собственное сердце короля подсказывало ему, что это средство – вернее. За выбором исполнителя королевской воли остановки быть не могло – подобного рода поручения исполняются всегда с удовольствием и охотников являются десятки. Выбор де Люиня пал на гвардейского капитана Витри де Опиталья; наградой за убийство маршала д'Анкра капитану был обещан маршаль-

ский жезл... Цена хорошая! Витри, подозревая, не личная ли ненависть руководит Альбертом де Люином, потребовал у него письменного королевского повеления; Альберт подал ему и это, и патент на звание маршала в случае успеха. Тогда капитан не мог прийти в себя от недоумения... Он знал маршала д'Анкара за усерднейшего слугу короля и за заклятого врага мятежных олигархов. И этого самого человека король приказал убить, как бешеную собаку?

Впрочем, особенно долго не задумываясь над разрешением этого странного вопроса, Витри сообщил о данном ему поручении под строжайшим секретом своим родственникам Дюайле, Неркану и Бюрнонвиллю. Убить маршала положено было в стенах Лувра. Этот разговор короля против своего подданного был замышлен в половине апреля 1617 года и дней через десять был приведен в исполнение.

Утром 24-го числа маршал д'Анкр вышел из своего дворца в предместьи Сен-Жермен и отправился в Лувр. Новый мост тогда еще строился, и маршал пошел к перевозу у Нельской башни. За ним следовал отряд телохранителей из двадцати четырех человек. Переехав через Сену на барке, маршал вошел в новые ворота луврского дворца. На лестницу вел коридор, замыкавшийся дверьми на обоих концах; в этом коридоре находилась еще дверь, которая вела в караульную швейцарцев, и тут-то притаился капитан Витри со своими тремя сообщниками. За поясом у наемного убийцы был приказ об аресте маршала, а за пазухой патент на насле-

дование его звания. Д'Анкр шел впереди, телохранители поодаль за ним... Пропустив его в коридор, Витри захлопнул дверь перед его спутниками и заложил его засовом; потом, схватив маршала за правую руку, капитан крикнул:

– Именем короля я вас арестую...

– Друзья! Ко мне... – начал было маршал, но в эту минуту Витри пистолетным выстрелом в упор разможил ему череп. За этим выстрелом последовали еще три, в сердце и в живот. Бывший тут алебардист проколол ему левый бок, но маршал был уже мертв.

Застрелив д'Анкура, Витри воскликнул: «Да здравствует король!» – и ему отвечал конный отряд, выстроившийся во дворе Лувра. Тело убиенного лежало на плитах коридора, а Людовик XIII между тем принимал поздравления своих приближенных с освобождением от ненавистного попечителя. Сохранилось предание, что при первом известии об убийении маршала д'Анкура король бросился на шею к Альберту де Люиню, говоря ему:

– Благодарю тебя! Вот первый день настоящего моего владычества.

Так понимал слабоумный сын Генриха IV власть королевскую. Ему удалось убить человека из-за угла, и это злодейство он считал подвигом и первым дебютом своего владычества. Жалкий идиот!

Весть об убийении маршала произвела на его недавних сообщников: на Марию Медичи, на его жену и на Ришелье –

самое слабое впечатление. Королева сначала прослезилась, сказав, что после семилетнего царствования ей придется сойти с престола и чуть ли не запереться в монастыре; потом она одобрила мероприятие короля: если он приказал убить маршала, стало быть, так и следовало. Кто-то из присутствовавших попросил ее сообщить Леоноре об убийстве ее мужа.

– Боитесь сказать ей, – крикнула королева с досадою, – так спойте! Покорнейше прошу об этих людях больше мне не говорить... Я... я с давних пор советовала им убраться в Италию!

Супруга маршала не проронила о нем ни слезинки. «Я всегда говорила ему, что его непомерная гордость не доведет до добра!» – вот что сказала она при вести об убийстве мужа.

Затем она поспешила зашить в свой матрац наличные деньги, брильянты и драгоценности и, растянувшись на нем, ожидала своей участи, по всей вероятности, незавидной.

Ришелье, внутренне, может быть, жалея смельчака, которому был обязан своим возвышением, отправился к Альберту де Люиню и рассыпался в похвалах его высоким дарованиям и умению избавить короля от докучливого руководителя.

Карманы убитого маршала были обысканы, и в них найдено было до двух миллионов ливров векселями на иностранные банки. Эта добыча по праву победителя досталась его величеству королю Людовику XIII. Им же немедленно выда-

но было приказание об аресте вдовы маршала и конфискации всего их имущества. Исполнителем монаршей воли был все тот же герой де Люинь, перед которым трепетал теперь весь двор, или, правильнее сказать, королевская дворня. Обнаженный труп недавнего временщика, наскоро похороненный на бедном приходском кладбище, был вырыт из могилы яростной чернью и истерзан на куски... Отряд гвардейцев отправился во дворец маршала за его вдовою.

Посланные нашли Леонору Галигаи в постели, будто бы сраженную тоскою по убиенном муже, а на самом деле для охранения зашитых в матрац драгоценностей. На приглашение капитана мушкетеров встать и следовать за ним в Бастилию вдова маршала сначала отвечала грубым отказом, потом мольбами, наконец, бранью и угрозами. Ее принуждены были схватить силою, и эта женщина, еще вчера обладавшая миллионами, женщина, перед которой еще так недавно преклонялся весь двор, теперь полунагая, нищая была повлечена в Бастилию и ввергнута в секретный каземат. Сюда одна из ее горничных прислала ей две сорочки, а сын – горсть мелкой монеты.

Вечером этого рокового дня Мария Медичи отправилась к сыну во дворец и приказала одному из камергеров доложить о себе королю. Людовик XIII отвечал посланному:

– Теперь я очень занят; в другой раз... Скажите моей матушке, что я как добрый сын буду уважать ее; но я король и отныне хочу управлять государством. Скажите еще коро-

леве, что я не желаю, чтобы у нее были другие стражи, кроме моих телохранителей. Прошу вас объяснить ей теперь же мои намерения!

Охранение королевы было доверено мушкетерам под начальством Витри. Ему она сказала, что ей необходимо видеть короля, но и на это тот отвечал через другое лицо:

– Не угодно ли матушке оставить меня в покое и впредь не вмешиваться в государственные дела?

Королева, смиренно поникнув головой, удалилась. Следствием опалы, постигшей Марию Медичи, была, разумеется, перемена министерства. Манжо и Барберини были взяты под стражу; Ришелье, подав в отставку, выразил желание не оставлять королевы. Последняя, находясь под стражею в своих луврских апартаментах, испытывала со стороны своего тюремщика Витри тягчайшие обиды и унижения. Убийца, исполняя с усердием роль сыщика, являлся в комнату королевы ежеминутно, рылся в ее бумагах, шарил по шкафам, даже перерывал постель и лазил под кровать. Все эти наглости оказывались королеве маршалом Витри по приказанию Людовика XIII с той целью, чтобы принудить Марию Медичи удалиться от двора. Угадывая желание сына, королева вошла по этому поводу в переписку с де Люинем. Сначала она выразила намерение удалиться в Монсо, близ Руля. «Близко к Парижу!» – отвечал временщик и предложил ей ехать в ее удельный город Мулен; но там не было ни дворца, ни парка. Вместо Мулена она выбрала Блуа – замок, ознамено-

ванный частыми посещениями семейства Валуа во все продолжение XVI столетия.⁵ Когда все приготовления к отъезду были окончены, де Люинь, хотя ему этого весьма не хотелось, не мог воспрепятствовать прощальному свиданию матери с сыном. Временщик сумел, однако же, настроить короля на тот лад, как ему было угодно. Свидание это, кроме того, происходило в присутствии всего двора. 2 мая Мария Медичи явилась в Лувр, где была встречена с должными почестями. Лица многочисленных присутствовавших были угрюмы; кроме короля, все чувствовали себя как-то неловко, всем, кроме короля и де Люиня, было как-то совестно. Мария Медичи, умея владеть собой, говорила довольно спокойно и не выходила из границ строгого приличия.

– Не знаю, – сказала она между прочим, – угодны или нет действия мои его величеству моему сыну; если они ему не угодны, тогда мне они ненавистны, но придет день, когда он убедится, что деяния мои были не бесполезны. Что же касается до бедняжки Кончини (*il poveretto*), я жалею о душе его и о способе, которым предложили королю от него избавиться. Относительно дел государственных я скажу, что давно уже просила государя меня от них уволить!

Увидя де Бриенна, нового государственного секретаря, она обратилась к нему:

– Надеюсь, Бриенн, что вы будете доставлять мне непосредственно все письма, которые государь, сын мой, будет

⁵ В 1870 году замок Блуа был разрушен до основания прусскими бомбами.

мне писать в ответ на мои. Надеюсь, вы не забудете, что я королева и мать вашего государя.

Бриенн молча поклонился. В эту минуту возвестили о выходе короля. Людовик XIII вышел рука об руку с Альбертом де Люином. Увидя сына, Мария Медичи не могла удержаться от слез и закрыла лицо платком. Взяв короля за руку, она привлекла его к амбразуре окна.

– Сударыня, – сказал король, обменявшись с де Люином выразительными взглядами, – я пришел сюда проститься с вами и уверить вас, что буду о вас заботиться, как должно заботиться о матери. Я желал избавить вас от труда участвовать в моих делах. Таково решение мое, чтобы, кроме меня не было иных властителей в моем королевстве. По прибытии в Блуа вы еще получите от меня известия. Прощайте, сударыня.

Мария Медичи, низко приседая, отвечала ему:

– Досадую, государь, если во время моего регентства я не управляла государством так, как вам было приятнее. Тем не менее я прилагала всевозможные труды и старания и прошу вас считать меня всегда вашей покорной и послушной служанкой. Куда же ехать мне, в Мулен или в Блуа?

– Куда вам угодно.

– Еду; но перед отъездом смею ли просить о милости, в которой, надеюсь, мне не откажете? Возвратите мне моего интенданта Барберини.

Король не отвечал ни слова. Освободить Барберини и воз-

вратить его Марии Медичи значило бы дать возможность итальянской партии усилиться. Королева с глубоким поклоном пошла к дверям.

– Де Люинь, – сказала она временщику, – сделайте мне одолжение, отпустите Барберини со мною.

Вместо ответа де Люинь молча поцеловал край платья королевы. Видя, что надеяться больше не на что, Мария Медичи быстро сошла по лестнице Лувра во двор, где ожидали ее кареты. Свита ее была многочисленна: статс-дамы и фрейлины числом свыше двадцати разместились в трех больших каретах. Поезд тронулся по набережной Сены; на Новом мосту королева увидела глыбу флорентийского мрамора (подарок Лаврентия Медичи) для статуи Генриха IV. Она могла полюбоваться новой площадью Дофина, расположенной по ее плану, зданиями и садами Люксембурга – ее любимого дворца. Наконец Мария Медичи выехала на Орлеанскую дорогу через Адскую заставу, надеясь, что счастье еще повернется в ее сторону и она будет вызвана из изгнания.⁶

Оставим на время королеву, едущую в Блуа, и возвратимся к Леоноре Галигаи.

Первые дни своего заточения в Бастилии вдова маршала провела в том состоянии оглушения и отупения, в котором человек самому себе не может дать отчета, бодрствует он или

⁶ Все эти подробности заимствованы из книги: «История матери и сына» (Histoire de la mère et du fils), приписываемой перу очевидца и одного из действующих лиц этой драмы – кардинала Ришелье.

грезит. Забившись в угол своего каземата, Леонора без слез, без жалоб сидела по целым часам, недвижно уставив глаза на дверь, в томительном ожидании, что она отворится и ее выведут на свободу, исходатайствованную ей Мариєю Медичи. Мысль, что державная ее подруга сама находится в изгнании и, что еще хуже – не вымолвила ни слова королю в защиту Леоноры Галигаи, не приходила последней в голову. Перебирая в памяти все свои минувшие деяния, вдова маршала не останавливалась ни на одном, которое казалось бы ей достойным постигшего ее наказания. Она вмешивалась в государственные дела: на то была воля Марии Медичи. Она интриговала: но кто же тогда не интриговал при дворе? Она не гнушалась подарками, брала взятки, пользовалась благами, которые сами падали ей в руки: но кто же на ее месте не делал бы того же? В последние два-три месяца Леонора была весьма почтительна к могучему де Люиню, неоднократно выражала ему неудовольствие на строптивость и заносчивость маршала... Неужели де Люинь не примет во внимание этого смирения Леоноры и не замолвит королю слова в ее защиту? Вместе с помышлениями о личной своей участи несчастная фаворитка (жадная и корыстолюбивая) тосковала о своих сокровищах. Если бы при ней в Бастилии находилась тысячная доля громадного ее состояния, она могла бы, может быть, если не отомкнуть двери своей темницы золотым ключом, то, по крайней мере, за деньги приискать защитника и ходатая.

Низвержение и убиение маршала д'Анкара открывали де Люиню беспреградный путь к почестям и возвышению, но, не довольствуясь этим, новый временщик имел виды на громадное состояние своего убитого соперника. По закону движимое и недвижимое имущество маршала подлежало конфискации и делалось достоянием казны...

Но король мог передать их в обладание де Люиня. Тут явилось очень важное затруднение. Маршал д'Анкр был убит без всякого суда; после него в лице вдовы и сына остались прямые и законные наследники. Отнять у них наследство король не имел права без отдачи их под суд, и не только их, но и покойного маршала. Суд над убитым – явление бесспорно безобразное, но он был наряжен по стараниям де Люиня, и к суду этому, разумеется, была привлечена Леонора Галигаи. Сочинение обвинительного акта на живую и на мертвого было поручено прокурору Куртену (Courtin), креатуре де Люиня, и этот крючкодей, закаленный в кляузах, настроил акт, как будто диктованный ему самим адом. Маршал обвинялся в казнокрадстве, обременении народа излишними налогами, в оскорблении величества небесного и земного, наконец, в принятии участия в заговоре, разрешившемся злодейским убиением покойного короля Генриха IV. Обвинять Леонору Галигаи можно было только в излишнем расположении к ней королевы Марии Медичи, и именно на этом Куртен основал главные пункты своего обвинительного акта. Ссылаясь на показания свидетелей, он обвинил

флорентинку Леонору Галигаи в чародействе, посредством которого она приворожила к себе королеву-правительницу. Сильную поддержку этой нелепице Куртен нашел в суеверии самой Леоноры. Действительно, не только ее приближенным, но и весьма посторонним лицам было известно, что вдова маршала д'Анкра занималась гаданием на картах, носила на шее амулетки с заклинаньями, часто совещалась с ворожеей Изабеллой и евреем Монталло, пользовавшимся репутацией чернокнижника. Прокурору Куртену в его трудах много помогал советник де Ланд, в простоте души веровавший в колдовство, чародеев и черную магию.

Приговор парламента над памятью убитого маршала, по невозможности кассации, был утвержден королем. Имя маршала предавалось вечному позору и проклятию; сын его (крестник короля Генриха IV) был обвинен лишением всех прав состояния и вне покровительства законов. Покончив с мертвецом и с безгрешным отроком, парламент принялся за Леонору.

3 мая 1617 года происходило первое заседание суда, на которое вызваны были обвиняемая и свидетели. Таковыми явились конюший маршала Ла Пласа и каретник Леоноры. Подтверждая данные ими показания, они объявили: 1) что обвиняемая имела целую коллекцию талисманов, восковых кукол и гороскопов королей и королев французских; 2) что она неоднократно служила ночью обедни, принося в жертву черного петуха; 3) что она, убивая голубей, пила их кровь,

глота с каким-то волшебным заклинанием восковые пилюльки; 4) совещалась с колдуньей Изабеллой и чернокнижником евреем Монталло... На основании всех этих данных, обвиняя подсудимую в сношениях со злыми духами и в чародействии, прокурор спросил, что она может сказать себе в оправдание.

– Вместо ответа, – гордо произнесла Леонора, – позвольте мне спросить вас, где мы – во Франции или в Испании; в парламенте королевском или в инквизиционной огненной палате?

– Занимались вы гаданьями? – повторил прокурор.

– Да, занималась, точно так же, как ими занималась королева, как занимаются тысячи придворных дам и кавалеров.

– У вас были амулетки и гороскопы?

– Да, соответственные правилам умозрительной астрологии, в которую верят все и вы сами, может быть. Восковые фигурки, найденные у меня, – печати с изображением агнца (Agnus Dei), полученные мною из Рима от его святейшества. Между ними и чародейством, кажется, не может быть ничего общего.

– Сознавайтесь же, что вы приворожили к себе королеву-правительницу Марию Медичи, чтобы властвовать над нею?

Горькая, презрительная улыбка мелькнула на мрачном лице Леоноры.

– В этом случае, – сказала она, – все мои чары и волх-

во-вания заключались в превосходстве моего ума над умом королевы и в прямой пользе моих советов.

– Укажите на источник ваших богатств!

– Богатства мои пожалованы были мне и покойному моему мужу королевою. Она, я полагаю, властна была располагать собственной своей казною.

Тем закончилось первое заседание. Мнения судей разделились: благоразумнейшие, составлявшие меньшинство, находили, что обвинения не выдерживают никакой критики. Советник Орланд Пайен (Payen) просил уволить его из числа членов суда. Следующее заседание происходило в Турнелле, здесь при допросах Леонора выказывала то же мужество и непреклонную твердость. На этот раз она обращалась к здравому смыслу своих судей, из которых весьма многие были обязаны ей или ее покойному мужу своим возвышением. Она требовала над собою суда правого и неподкупного. Заметим здесь, что женщина всегда и повсюду несравненно смелее перед законом, нежели мужчина; в деле тяжёбом она терпеливее, настойчивее и доходчивее, не задумываясь ни перед какой инстанцией; заметив криводушие судей, она, не обинуясь, уличает их и, дав волю языку, не щадит кляузников. Эта гражданская отвага свойственна женщинам всех стран и веков, и чтобы убедиться в этом, стоит только перебрать несколько уголовных процессов, в которых главную роль играли женщины.

Де Люинь, находившийся тогда на высоте своего могуще-

ства и тем тверже державшийся на этой высоте, что юный король, очарованный супругою временщика, герцогинею де Люинь, пользовался ее благосклонностью, – де Люинь был вне себя от бешенства и на судей, и на подсудимую. Первые, страшась временщика, начали действовать решительнее, т. е. бессовестно. Они засыпали Леонору словами, статьями закона, оскорблениями, не выслушивали ее возражений. Бороться одной, при всей ее энергии, стало наконец ей не под силу... Она поняла, что смерть ее уже предрешена, и начала помышлять уже не об оправдании, не о свободе, а единственно о спасении жизни. Она готова была умолять судей, чтобы они приговорили ее к вечному заточению, но только оставили ей жизнь, которая и в сорок шесть лет еще не утратила для Леоноры своей привлекательности. Надеясь продлить свое существование, несчастная объявила, что она беременна... Даже в этом снисхождении к ее положению парламент отказал Леоноре, отвечая, что утробный ее плод – незаконный, ибо покойный маршал лишен доброго имени и всех прав состояния. Из судей, приспешников де Люиня, выискались даже и такие, которые к прежним обвинениям, возведенным на вдову маршала, присоединили новые, одни говорили, будто она беременна вследствие своей связи с тюремщиком, а другие (доходя до Геркулесовых столбов нелепого) – с самим дьяволом!

Приговор над Леонорой Галигаи, ее сыном и покойным мужем состоялся 8 июля 1617 года. Вот подлинный его текст:

«Палата объявила и объявляет Кончино Кончини, при жизни его маркиза д'Анкра, маршала Франции, и Элеонору Галигаи, вдову его, виновными в оскорблении величества божественного и человеческого, в воздаяние за какое пресупление приговорила и приговаривает память помянутого Кончини к вечному позору, а помянутую Галигаи к смертной казни обезглавлени-ем на эшафоте, воздвигнутом на Гревской площади, а тело ее к сожжению с обращением в золу; движимое их имущество к конфискации в пользу короны, все же прочие пожитки в пользу короля. Сына преступников, рожденного ими в брачном сожительстве, палата объявила и объявляет лишенным честного имени и права занимать какие бы то ни было должности; дом, в котором преступники жили, срыть до основания и место его сровнять с землею».

За неделю до обнародования этого приговора в публичке были распущены пасквилы и карикатуры на семейство д'Анкр. К бранным прозвищам Леоноры: кольдуньюе, чернокнижницею, присоединили новое – отравительница; народная злоба от приговоренной к смерти распространилась на всех проживавших в Париже итальянцев, занимавшихся большею частью торговлею и ростовщичеством. Итальянский элемент, привившийся к гражданскому французскому быту, исчез, уступив свое место – испанскому... Родственный союз одной державы с другою всегда вносит из одной в другую моды, обычаи, особенности, всегда находящиеся в чужой земле восприимчивую почву. Со времен Катерины

Медичи до Людовика XIII французский двор был осколком двора тосканского; произведения изящных художеств итальянских служили образцами для художников французских; язык итальянский при дворе и в высшем кругу вытеснил язык французский. При Людовике XIII, частью и при Людовике XIV, Франция обезьянила Испанию; при Людовике XV вся Европа взяла за образец Францию, тогда не подражавшую ни одной иностранной державе. В наше время французский элемент выдохся в Европе, кому теперь будет она подражать?

После падения нравственного итальянского владычества во Франции она с восторгом ухватилась за испанское, и этот переход не обошелся без смешных явлений, неизбежных, впрочем, во всякой стране, переживающей переходную эпоху от старого к новому. Как мы уже говорили, с лишком полстолетия высший французский круг и зажиточный средний класс строили и меблировали свои дома в итальянском вкусе; мужчины и женщины следовали итальянским модам; говорили по-итальянски все имевшие претензию на тонкость и образованность... Костер Леоноры Галигаи словно выкурил из Парижа эту страсть к итальянщине, и французы ухватились за испанщину. Военное сословие всех прежде признало испанские клинки первейшими в мире, щеголи и щеголихи сознались, что испанские моды верх изящества, севильское сукно и кордуанские кожи изгнали из употребления сардинские шелковые материи и бархаты Венеции. Подражая Испа-

нии во внешнем быту и в домашней обстановке, Франция не замедлила усвоить язык этой страны и отчасти ее несносное ханжество и фанатическую нетерпимость. Сам король Людовик XIII более походил на испанского гидальго, нежели на французского короля... Самая казнь вдовы маршала д'Анкра была снимком с испанского аутодафе.

Казнь эта происходила на Гревской площади 9 июля 1617 года. Весь Париж сбежался на давно не виданное зрелище, и не только улицы были наводнены народом, но любопытными были унижены кровли домов и колокольни церквей. Ходила молва, что осужденная выслушала свой приговор с удивительным мужеством, не унизив себя ни мольбами о пощаде, ни проклятьями на судей и главного виновника своей гибели – де Люиня. Эту твердость большинство приписывало помощи бесовской; многие жалели, что колдунью не пытали при допросах; иные опасались, чтобы она с помощью чар не обратилась перед казнью в ворону или сову и не улетела от достойного наказания. В полдень процессия тронулась из Бастилии на Гревскую площадь. Леонору везли на позорной телеге, одетую в длинный холщовый балахон, с восковой свечою в руках. Несчастная была бледна, глаза ее горели лихорадочным огнем, но лицо было почти спокойно и даже на нем появлялась порой презренная усмешка. Ропот и дерзкие крики толпы не доходили до ее слуха. В течение семилетнего владычества она убедилась многократным опытом, что любовь народная изменчива и непостоянна, как осенняя

погода. Было время, этот самый народ приветствовал маршала и жену его восторженными кликами, выражал им свою благодарность, тешась праздниками, которые они давали народу... Теперь все он же, все тот же народ напутствует Леонору в вечность проклятьями и оскорблениями. Ему велели признать ее за колдунью, и он ее признал за таковую: если бы маршалу удалось возвести де Люиня на эшафот, парижане, проклиная де Люиня, благословляли бы маршала. В глазах толпы прав и достоин похвалы всегда тот, кто взял верх, хотя бы соперником его был сам праведник. Смерть маршала и жены его могла служить примером временщикам будущим... Но кто из них обратил внимание на этот пример? Да и сами Кончини, муж и жена, думали ли когда об измене счастья?

Твердой поступью Леонора взошла на эшафот, склонила голову на плаху... топор сверкнул, и голова флорентинки рухнула на помост. Подхваченное железными крючьями, тело ее было брошено на костер, и через несколько минут его охватили клубы дыма и огненные языки. Народ рукоплескал и возглашал многие лета правосудному королю Людовику XIII.

Помочи, на которых водила его мать, маршал и Леонора, перешли в руки де Люиня, не перестававшего уверять короля, что он, наконец, государь самодержавный... То же впоследствии говорил ему,водя его на тех же помочах, и кардинал Ришелье. Прав был какой-то древний мудрец, говоря:

«Хотите ли подчинить гордого и могучего глупца вашей воле? Уверяйте его постоянно, что умнее его нет человека на свете».

Королевская опала, постигнув одну партию, обратилась в милость для другой. Принцы крови и могучие олигархи, посланные во время регентства, были призваны ко двору и восстановлены в прежних своих должностях. Старому герцогу д'Эпернону отдано было губернаторство Гюйенны; Морнэ, Сюлли, Ледигьер снова засияли на придворном горизонте... Позабыли только о принце Конде, и позабыли потому, что его присутствие при дворе угрожало де Люиню опасным соперничеством.

Теперь перейдем к обзору царствования кардинала Ришелье, правившего Францией под именем короля Людовика XIII. Это царствование напоминало басню Крылова «Оракул»: жрецом, сидевшим во внутренности пустого кумира, был Ришелье; Людовик XIII превосходно играл роль истукана – пустого, бездушного или, выражаясь точнее, душою которого был кардинал Ришелье... Король после него не прожил и году. Смерть его была первым, и последним, и единственным подвигом, совершенным на пользу Франции.

Il eut cent vertus de valet Et pas une vertu de maitre,⁷ – гласила шутовская эпитафия, написанная на кончину Людовика. Лучшей и вернейшей оценки этому королю нельзя было и

⁷ В нем были сотни добродетелей лакея, господина же (или повелителя) – ни одной.

сделать.

– Тут они все, – ответим мы. – Иных добродетелей за Людовиком XIII не водилось. Мир его праху!